

ВВЕДЕНИЕ

I ЖИЗНЬ И ТВОРЕНИЯ ПРЕПОДОБНОГО СИМЕОНА

1. ЖИЗНЬ

Основным источником биографических сведений о преподобном Симеоне Новом Богослове служит его «Житие», написанное учеником святого преподобным Никитой Стифатом¹. Другим не менее важным источником служат собственные писания святого Симеона: в отличие от произведений большинства Святых Отцов как предыдущего, так и последующего периодов, все его произведения носят ярко выраженный автобиографический характер. Правда, о внешних событиях своей жизни он говорит очень мало, зато с большой яркостью и полнотой излагает свой внутренний мистический путь.

Преподобный Симеон, согласно общепринятой хронологии И. Озэрра, родился в 949 г. По другой хронологии, предложенной греческим патрологом П. Христу, он родился в 956 г.² Местом его

¹ Vie de Syméon le Nouveau Théologien par Nicéas Stéthatos // Orientalia Chritsiana XII. Roma, 1927. Далее — Vie.

² Существует три хронологии жизни преп. Симеона. Первую предложил в 1898 г. К. Холль (см.: *Holl K. Enthusiasmus und Bussgewalt*

рождения было селение Галати в Пафлагонии¹. Родителей Симеона звали Василий и Феофано: это были богатые и влиятельные византийские аристократы. С одиннадцати лет Симеон живет в Константинополе у своего дяди, который занимал важное положение при императорском дворе, обучается в «грамматической» (средней) школе и проявляет незаурядные способности. Он, однако, отказывается от продолжения обучения в высшей, так называемой «философской» школе. Также он отказывается от чести быть представленным императорам-братьям Василию и Константину Багрянородным, предпочитая оставаться в тени².

В одном из гимнов преподобный Симеон так говорит о своей юности: «Родители не питали ко мне естественной любви, братья и все друзья мои смеялись надо мной... Родственники, посторонние, мирские начальники тем более отвращались от меня и не выносили видеть (меня), чем более (стремились) погубить меня своим нечестием. Часто я желал безгрешной славы, но не нашел

beim greichischen Mönchtum. Leipzig, 1898. S. 23–26). Затем в 1927 г. И. Озэрт в предисловии к изданию Жития преп. Симеона предложил другую хронологию (см. Vie: Introduction par I. Hausherr, ХС). Эта хронология считается общепринятой в современной науке, хотя и оспаривалась неоднократно учеными. В частности, греческий патролог П. Христу предложил еще одну хронологию преп. Симеона (*Σιμεὼν ὁ Νεὸς Θεολόγος*. Βίος, Κεφάλαια, Εὐχαριστία. Θεσσαλονίκη, 1983. Σ. 12–24). В дальнейшем изложении жизни преп. Симеона мы ориентируемся на хронологию Озэрта, хотя и не считаем ее бесспорной.

¹ Пафлагония — византийская провинция на южном побережье Черного моря.

² После внезапной смерти императора Романа II (959–963) на престоле оказались его сыновья Василий (5 лет) и Константин (3 лет), однако фактическим правителем Империи стали сначала Никифор Фока (963–969), затем Иоанн Цимисхий (969–976). Лишь после смерти Цимисхия Василий получил полноту власти и царствовал почти полвека (976–1025).

ее в преходящей жизни... Сколько раз я желал, чтобы люди любили меня, (желал) иметь с ними близость и открытость, но никто не терпел меня... Добрые (люди) избегали меня из-за (моего) внешнего вида, а злых я избегал по собственному изволению»¹.

Очевидно, что при внешнем благополучии Симеон очень рано испытал внутренние глубокие страдания из-за отсутствия близких людей, с которыми можно было бы разделить одиночество, из-за неутоленности, или невозможности утоления земными благами. С другой стороны, у Симеона было врожденное стремление к добру и неприятие греха: «Когда кто-нибудь призывал меня к делам безумия и грехам поистине обольстительного мира сего, все мое сердце сжималось внутри и как бы пряталось, стыдясь самого себя... Советовавших мне прославиться и разбогатеть в жизни я возненавидел ненавистью... от сердца, так что никогда не вступал в разговор с ними, а они, безумные, сильно били меня палками»².

Ранняя неудовлетворенность земной жизнью и отсутствие глубокого интереса к ней побудили Симеона читать духовную литературу, а также напряженно искать человека, который мог бы стать его руководителем. Это желание Симеона также не встречало сочувствия окружающих, которые все в один голос говорили, что «такого святого не существует сейчас на земле»³. Он, однако, не верил им, продолжая искать духовного отца. В конце концов его поиски увенчались успехом. Попутно отметим, что полемика с теми, кто говорил, что в его времена невозможно достичь совершенства, — таких людей Симеон называл «новыми еретиками»⁴ — станет одной из основных тем его будущих произведений.

¹ Н. 20, 98–119.

² Н. 20, 126–147.

³ Euch. 1, 78–80.

⁴ Ср.: Н. 21, 302–304, а также Cat. 29, 137–150.

в стихах: мы, однако, выбирали для этой цели только те гимны, которые, как нам казалось, представляют наибольшую художественную ценность. Предлагая вниманию читателя настоящий перевод избранных гимнов преподобного Симеона, мы имели целью подчеркнуть, что Симеон является не только одним из величайших святых и богословов Православной Церкви, но и выдающимся поэтом, воспевавшим не человеческую любовь и не земную красоту, но нетленную и невыразимую красоту бессмертного Бога, Которого он узнал так явственно и так близко.

При переводе гимнов мы не стремились во всех случаях сохранить стихотворный размер оригинала, так как это и невозможно, — из трех размеров, употребляемых Симеоном, только анакреонтический восьмисложник поддается адекватному воспроизведению средствами русского стиха:

Πῶς καὶ πῶρ ὑπάρχεις βλύζον
πῶς καὶ ὕδωρ εἶ δροσίζον,
πῶς καὶ καίεις καὶ γλυκαίνεις,
πῶς φθορὰν ἐξαφανίζεις;

Как Ты пламенем горящим
И водой живой бываешь?
Услажда, как сжигаешь?
Как от тленья избавляешь?¹

Двенадцатисложный ямбический триметр средствами русского силлабо-тонического стихосложения воспроизвести не удастся — в лучшем случае можно добиться эффекта стилизации. Поэтому переводчики обычно ищут другие средства для передачи ритмического характера оригинала. С. Аверинцев, например, передает этот размер так:

¹ Н. 6, 1–4.

Μοναχός, ὅστις ἀμιγής ἐστὶ κόσμῳ
καὶ ἀενάως ὁμιλεῖ Θεῷ μόνῳ,
βλέπων βλέπεται, φιλῶν φιλεῖται...

Монах есть тот, кто, с миром не связуемый,
С одним лишь Богом вечно беседуя,
И зрящ, и зрим, и любящ, и возлюблен Им...¹

Мы переводим в другом ритме:

Монах есть тот, кто миру непричастен,
Кто говорит всегда с одним лишь Богом,
Кто, видя Бога, сам бывает видим,
Любя Его, он Им любим бывает...

В обоих случаях ямбический триметр Симеона воспроизводится средствами русского пятистопного ямба, причем С. Аверинцев сохраняет количество слогов в строке, однако использует дактилическое окончание-пропарокситон, т. е. акцент на 3-й слог от конца, что у Симеона встречается лишь в виде исключения. У нас в строке 11 слогов, но сохраняется характерное для всех стихов Симеона парокситоническое ударение на предпоследний слог.

Что же касается политического 15-сложника, то он на слух воспринимается как ритмизованная проза:

Εἶσατε τῇ κέλλῃ με μόνον ἐγκεκλεισμένον
ἄφετέ με μετὰ Θεοῦ τοῦ μόνου φιλανθρώπου...

¹ Н. 3, 1–3. Перевод С. С. Аверинцева см. в книге: Византия и Русь. М., 1989. С. 127.

Оставьте меня одного заключенным в келье;
Отпустите с одним человеколюбивым Богом...¹

Мы, однако, переводили политический стих Симеона в большинстве случаев русскими силлабо-тоническими размерами.

Вообще же нужно отметить, что единого принципа или шаблона для перевода византийской поэзии на русский язык не существует. Античные стихотворные размеры, унаследованные византийской поэзией, основывались на чередовании долгих и кратких гласных: подобного явления русский язык не знает. Хотя в эпоху Симеона это различие между долгими и краткими гласными уже не воспринималось на слух, тем не менее по своей природе византийский стих остается отличным от русского, основанного на чередовании ударных и безударных слогов. Размер большинства гимнов Симеона, за исключением анакреонтического восьми-сложника, заметно приближающегося к силлабо-тонике, можно передать на русском языке только при помощи искусственной стилизации, которая звучала бы архаично и тяжеловесно. Художественный эффект от подобных имитаций «размера подлинника» бывает весьма сомнительным². Во всяком случае, мы стре-

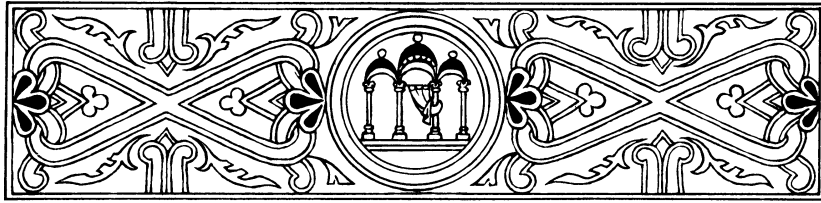
¹ Н. 27, 1–2.

² Приводим мнение известного переводчика Г. Шенгели по поводу целесообразности сохранения размера подлинника при переводе на русский язык: «Решение вопроса о стихе, несомненно, не может быть однозначным... Размером подлинника удастся переводить стихи той же стиховой природы, что и русские: английские, немецкие, голландские, скандинавские, болгарские, украинские, белорусские. Весь же квантитативный стих, вся силлабика... допускают лишь условную интерпретацию. Но возьмем родственные русскому языку системы. Спрашивается: *зачем* в переводе нужен размер подлинника? Какой *художественный эффект* достигается его применением? Продуманного ответа на эти вопросы я до сих пор не встречал. Размер, тот или иной, сам по себе эстетически нейтрален: одним и тем же

мились, чтобы стихи преподобного Симеона не воспринимались как музейный экспонат и чтобы его голос звучал живо и естественно, как он звучал для его современников.

размером пишут вещи, диаметрально противоположные по жанру, по содержанию, по манере, по тону. Вдобавок, размер — понятие обобщающее; реально существует *ритм*: данное сочетание вариаций метра в неразрывном единстве с интонацией, которая, в свою очередь, определяется смысловым и эмоциональным рельефом речи. А это уже невоспроизводимо». Исходя из этих предпосылок, Г. Шенгели предлагает использовать гибкий метод «функционального подобия». Переводчик должен учитывать «место, занимаемое стихом оригинала в общей стиховой традиции данной литературы», а также учитывать русскую поэтическую традицию. «Но главное — учитывается *характер* данной стиховой конструкции: медлительность, тяжеловесность, стремительность, легкость, закругленность, прерывистость, наличие перебросов (enjambements), ритмических контроверз... И вот этот *характер* должен быть воспроизведен *средствами русского языка*... Если это удастся в размере подлинника (в прямом или условно-традиционном разрешении), тем проще; если нет — изберем любой размер, позволяющий такое воссоздание». См.: Шенгели Г. О моей работе // Литературная учеба. № 6. М., 1990. С. 171–172).

**СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО СИМЕОНА
МИСТИЧЕСКАЯ МОЛИТВА,
В КОТОРОЙ ОН ПРИЗЫВАЕТ
СВЯТОГО ДУХА, СОЗЕРЦАЯ ЕГО¹**

Прииди, свет истинный!
 Прииди, жизнь вечная!
 Прииди, сокровенное таинство!
 Прииди, безымянное сокровище!
 Прииди, неизреченное могущество!
 Прииди, непостижимое лицо!
 Прииди, непрестанное ликование!
 Прииди, невечерний свет!
 Прииди, истинная надежда всех стремящихся к спасению!
 Прииди, лежащих пробуждение!
 Прииди, мертвых пробуждение!
 Прииди, могущественный, всегда творящий, претворяющий и изменяющий все одним движением воли!
 Прииди, невидимый, совершенно неосязаемый и неизведанный!

¹ Эта молитва, в отличие от остальных гимнов, написана прозой.

Прииди, всегда остающийся неподвижным и (вместе с тем) ежечасно весь движущийся, и приходящий к нам, лежащим в аду, — Ты, Который выше всех небес!

Прииди, имя всегда желанное и везде повторяемое, хотя для нас совершенно невозможно сказать, кто Ты, и узнать, каков Ты или откуда Ты!

Прииди, радость вечная!

Прииди, венец неувядающий!

Прииди, порфира великого Бога и Царя нашего!

Прииди, пояс кристалловидный и усыпанный драгоценными камнями!

Прииди, подножие¹ неприступное!

Прииди, царская багряница и поистине самодержавная десница!

Прииди Ты, Которого возлюбила и любит несчастная моя душа!

Прииди Один к одному, ибо я одинок, как Ты видишь!

Прииди, отделивший меня от всех и сделавший одиноким на земле!

Прииди, Сам ставший во мне влечением и сделавший, чтобы я тосковал о Тебе, совершенно недоступном!

Прииди, дыхание мое и жизнь!

Прииди, утешение смиренной моей души!

Прииди, радость и слава, и постоянное мое наслаждение!

Благодарю Тебя, что Ты — Сущий над всеми Бог — сделался со мной единым духом неслитно, непреложно, неизменно, и Сам стал для меня всем во всем: пищей неизречен-

¹ Букв. «обувь».

Святого Духа приобщился,
 Кто чист от скверны и порока.
 Без позволения же от Бога,
 Помимо Божьего избранья,
 Что душу светом озаряет
 И благодатью наполняет,
 Что возжигает душу нашу
 Огнем любви неугасимым,
 Нельзя и крайне неразумно
 Служить святую Литургию
 И прикасаться к страшным Тайнам,
 Святым и неприкосновенным,
 Которым слава подобает
 И честь и поклоненье — ныне
 И непрестанно, и вовеки.

КАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ МОНАХ И КАКОЕ ЕГО ДЕЛАНИЕ, КАКОЕ ПРЕУСПЕЯНИЕ И ВОСХОЖДЕНИЕ (27; 20)¹

Дворцом соделай дом души
 Христу в жилище, всех Царю,
 К Нему взывай, рыдай и плачь,
 Вздыхай, колена преклоняй,
 Коль скоро хочешь ты, монах,
 Монахом истинным пребыть.
 Тогда не будешь одинок²
 Как пребывающий с Царем,
 Но вместе с тем, подобно нам,
 Ты одиноким будешь здесь
 Как отделившийся от нас,
 Как разлученный с миром сим.
 Вот это все и есть монах!
 Соединившись с Божеством,
 Опять ты стал не одинок,
 Ко всем святым ты сопричтен,
 Чтоб вместе с ангелами жить,

¹ Гимн написан политическим пятнадцатисложником.

² Здесь и далее на протяжении всего гимна преп. Симеон использует однокоренные слова *μοναχός* (монах), *μόνος* (один, одинокий), *μονάζων* (одинокий, уединенный), *μονάζω* (уединяться), *μεμονομένος* (отъединенный, отделенный). Передать эту игру слов в переводе не всегда удается.

Со всеми праведными быть,
 Чтоб всех живущих в небесах
 Стать сонаследником навек.
 Так как же будешь одинок,
 Гражданство неба получив,
 Где светлый мучеников лик,
 Где преподобных всех собор,
 Где все апостолы живут,
 Пророки, множество святых
 И иерархов, и отцов,
 И прочих праведных людей?
 Но если в ком живет Христос,
 То как же можно говорить,
 Что он один и одинок?
 Ведь пребывает со Христом
 Сам Бог Отец и Дух Святой.
 Так как же будет одинок
 Тот, кто с Тремя соединен
 Как бы с одним, — ответьте мне?
 Кто с Богом, тот не одинок,
 Хотя бы он и жил один,
 Хотя б в пустыне он сидел
 Или в пещере пребывал.

А тот, кто Бога не обрел,
 Кто не познал Его всего
 И не воспринял Божество,
 Тот не монах — о, горе мне! —
 Тот в самом деле одинок,

Отъединен и отделен
 От Бога Слова своего.
 Так пребываем порознь мы,
 Друг с другом мы разлучены,
 И, как сироты, мы одни,
 Хотя и кажется нам всем,
 Что будто вместе мы живем,
 Друг друга видя каждый день
 В собраниях множества людей.
 Душой своей и телом мы
 Между собой разлучены,
 И смерть показывает нам,
 Что это истинно вполне,
 Ведь каждый смертью был лишен
 Друзей и сродников своих,
 И смерть забвение несет
 Всех тех, кого мы любим здесь.
 И сон, и ночь, и все дела
 Единству нашему вредят.

Но кто чрез праведную жизнь
 Всю келью в небо превратил,
 Тот созерцает, сидя в ней,
 Творца и неба, и земли,
 И поклоняется Ему.
 Всегда со светом он живет
 Незаходимым, неземным,
 Не отлучаясь от Него
 И никогда не отходя —